

Осипов В. По указке своего сердца // Российская Федерация сегодня. – 2005. – № 9. – С. 62-65

Он - народный писатель. Реальность созданного Шолоховым мира такова, что превосходит саму действительность. И когда на Казанском вокзале садишься в фирменный поезд "Тихий Дон", то не знаешь, куда он тебя увезет - в современный ли город Ростов или к той, известной теперь всей планете реке, на берегах которой до скончания читающего мира будут бурлить человеческие страсти и в поисках своей правды, лучшей, справедливой жизни люди в бешеных столкновениях друг с другом будут проливать свою и чужую кровь. Милые его сердцу Давыдов и Нагульнов, для которых отпели донские соловьи, навсегда поселились в наших душах. После выхода "Поднятой целины" едва ли не в каждой российской деревне появился свой дед Щукарь. В нашей он звался Макарванычем и был такой же маленький, сухонький, балагуристый, непосредственный по-детски, хотя и себе на уме, как и его литературный прототип. Наверное, не все бойцы Красной армии, попав в фашистский плен, вели себя подобно Андрею Соколову, но он совпал в нашем сознании с образом русского человека, русского солдата. Может быть, вымечтанным, но отнюдь не вымышленным, просто явленным в самых высоких свойствах своей души.

Шолохов получил всемирную известность уже в молодые годы. Его практически сразу же стали переводить за рубежом. На Западе его романы печатались не только в книгах, но и в газетах (буржуазных!). К 50-летию писателя произведения были растиражированы более чем в 125 миллионах экземпляров на 55 языках мира. Пред этим факт присуждения ему Нобелевской премии - ничто. Хотя и последнее само по себе интересно, ибо он был единственным из награжденных наших литераторов, кто не имел скандальных заслуг в "корректировке" образа своей страны. Тонкий стилист Бунин безусловно достоин премии, но стал бы он ее обладателем, не заклеями "окаянство" 1917 года, большой вопрос. Художественно невнятного доктора Живаго Пастернака представили к высокой награде за "демократическую" позицию. Иосиф Бродский удостоен за альтернативную поэзию и обиженность советскими властями. Летопись ГУЛАГа однозначно обрекла на лауреатство Солженицына, сведшего всю советскую историю к "коллочке" одного архипелага. Закономерно его разочарование, когда он не нашел в рассказе "Судьба человека" упоминания о фильтрационных лагерях. Хотя это, несомненно, пустяк в сравнении с обвинением Шолохова в плагиате авторства "Тихого Дона".

Самый блистательный, самый читаемый в мире из русских писателей XX века Михаил Александрович Шолохов в годы перестройки был не только незаслуженно задвинут на заднюю сцену литературы, но и стал жертвой клеветнической кампании по вздорному обвинению в плагиате. Теперь искомая рукопись главного романа найдена. Но юбилейное славословие подчас приобретает формы похвалы, которая хуже хулы. То реабилитируют "его соцреализм", который Шолохову либеральные инвентаризаторы от искусства и политики вменяют как позорную болезнь, то поздравляют с идентификацией авторства, то дезавуируют обвинение в тесной дружбе с руководителями советского государства. Речь идет не о серьезных исследователях его творчества, а о тех, кого сам писатель называл "шолохоедами". Стыдно, что общество допустило смешную и отвратительную возню в отношении гения русской словесности, создателя уникального русского эпоса, которым общепризнанно является "Тихий Дон".

О Михаиле Александровиче Шолохове мы разговариваем с его биографом, членом Высшего Творческого Совета Союза писателей России, лауреатом Всероссийской Шолоховской премии Валентином ОСИПОВЫМ.

Человек абсолютной внутренней свободы

- Валентин Осипович, почему же идеологическая броня западного мира дала пробой в случае с Шолоховым? Художественная ли сила таланта тому причиной или некие политические мотивы?

- Первое. Если в 30-е годы литературная тусовка внутри страны аттестовала Шолохова "непартийным по духу" и потворствующим кулацко-средняцким настроениям, чему удивляться, что и на Западе в нем могли усмотреть еретика большевизма. В одобрительной рецензии на "Поднятую целину" одной эмигрантской монархической газетки писалось: "Этот роман прочтет всякий не только как занимательное чтение, но и как своего рода откровение... Кто ее автор, подлинный приверженец Сталина и его режима или скрытый враг, только надевший личину друга?" Многие видели в его произведениях то, что хотели видеть. Кстати, в самой Швеции впервые мысль о присуждении ему этой награды была высказана еще в середине 30-х годов. Поэтому, второе, велика вероятность, что в этом случае Нобелевский комитет действовал исключительно под впечатлением художественных достоинств романа. На церемонии вручения премии Шолохов сказал о своем творческом методе как о реализме, несущем в себе идею обновления жизни, переделки ее на благо человеку. Мир, не будем забывать, тогда находился под сильным впечатлением от русской революции. Для писателя же шелуха всяких "измов" не имела ни малейшего значения.

- Вы уже полтора десятка лет исследуете биографию писателя. Что вас подвигло к этому?

- Причин несколько. Во-первых, мое знакомство с Михаилом Александровичем насчитывает более 20 лет. Я знал, насколько скрыта была его жизнь от посторонних. В силу скромности он не заботился запечатлеть ее для потомков. Дневников не вел, биографических записок не оставил. Но фигура такого масштаба продолжает интересовать всех его почитателей. Хочется больше узнать о нем, понять его личность. Во-вторых, настала пора очистить жизнеописание классика от политиканства, сильно примитивизировавшего его образ. В одной ипостаси он представал оловянным партийным солдатом. В другой, перестроечных времен, - шизофреническим гибридом верноподданнического слуги советского режима с законспирированным "контриком". Поэтому я с радостью принял предложение издательства "Молодая гвардия" написать для массового читателя книгу о М. А. Шолохове в серии "ЖЗЛ".

Архивы, в том числе ЦК КПСС и КГБ, не публиковавшийся эпистолярный, воспоминания родных и близких писателя дали мне возможность увидеть его личность в полном объеме. Мне выпала честь обнаружить много ранее неизвестных документов. Не случайно первую книгу я назвал "Михаил Шолохов: жизнь, спрятанная в архивах", вторую - "Тайная жизнь Михаила Шолохова... Документальная хроника без легенд".

- И какие же открытия вы сделали?

- Я окончательно утвердился в моем прежнем представлении о Шолохове как о человеке абсолютной внутренней свободы. Как творец он не подчинялся никаким политическим догматам. Ни один из новых документов не поколебал это мнение. Внутренняя свобода в сплаве с беспощадной писательской честностью и позволила реализоваться его творческому гению. Плюс огромное гражданское мужество. Время, сами знаете, какое было. Не стоит говорить о художественном даре, доскональном знании материала. Он был плоть от плоти народа, о котором писал. Думаю, что ему, как его любимому Григорию Мелехову, тоже не все с самого начала было ясно в этой жизни. Он вывел героем человека

из народа, простого крестьянина, на сломе двух исторических эпох мучительно ищущего истину - заблуждающегося в своих душевных и духовных метаниях, обжигающегося, страдающего, искреннего, горячего сердцем. И через его судьбу показал судьбу народную.

Не за красных, не за белых - за народ

- Вопрос тогда ставился ребром: за кого Григорий - за красных или за белых? Что подразумевало тот же вопрос и самому автору. А казалось, так легко было сделать своего героя большевиком, да?

- Если бы Шолохов не был Шолоховым... Насчет Мелехова с лету не ответишь. Со слов дочери писателя известно, что, на вопрос Сталина ее отцу, когда Григорий станет большевиком, тот ответил: "Я уговаривал его вступить в партию, а он не хочет". Не за красных, не за белых был Шолохов. За Россию! За русского человека! Такой ответ вытекает не только из всего его творчества, но и из жизни тоже. Вот уж точно он всегда был со своим народом, где бы тот ни был. Никогда не жил в башне из слоновой кости. Став в 30 лет признанным классиком, авторитет свой использовал, чтобы помочь людям. В 1933-м многих земляков спас от голодной смерти. В 1929-м вразрез со статьей вождя "Год великого перелома" сообщал ему: "Середняк уже раздавлен. Беднота голодает..." В 1931-м: "Страшное бедствие... 1090 семей при 20-градусном морозе... круглые сутки жили на улице... Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу "Поднятой целины". По поводу безобразий в ходе коллективизации на Дону обращался в Кремль не один раз. Два года спустя: "По колхозам свирепствует произвол..." Еще пятью годами позже характеризует "соцзаконность": "Страшный тюремный режим и инквизиторские методы следствия. Т. Сталин! Такой метод следствия, когда арестованный бесконтрольно отдается в руки следователей, глубоко порочен". Назовите хоть еще одного человека, который бы так разговаривал с вождем! Он ходатайствовал за освобождение сына А. Ахматовой, вызволял сына А. Платонова. В 1939-м на партсъезде, по сути, полемизирует с вождем по поводу отношения к интеллигенции. Тот объясняет недоверие к ней рабочих ее прежним кормлением у имущих классов и их обслуживанием. А Шолохов напоминает о другом: как ту же интеллигенцию награждали ссылками в Сибирь и изгнанием, "привязывали к позорным столбам, отдавали в солдаты и попросту убивали руками хлыщей-офицеров". Скандал с "Доктором Живаго" в интервью "Франс суар" (апрель 1959 г.) комментирует так: "Коллективное руководство Союза советских писателей потеряло хладнокровие. Надо было опубликовать книгу Пастернака в Советском Союзе, вместо того чтобы запрещать ее". С шашкой наголо выступил на заседании Ростовского обкома партии после событий в Новочеркасске 1962 года. Обращаясь к секретарю ЦК, прибывшему на разборку с местными партийцами: "Почему повышаете цены, не посоветовавшись с людьми... Как же мы можем стрелять в народ?" Многие годы он депутатствовал в Верховном Совете СССР, и прием избирателей в его вешенском доме происходил в режиме нон-стоп. А в предсмертном порыве близкие расслышали от него слова: "Где мой цека? Где мой цека?"

Открыватель сокровенной правды жизни

- При всем желании в "Тихом Доне" трудно увидеть апологию большевизма. Шолохов рассказывал о каких-то подробностях прохождения романа к читателю?

- Вот как он вспоминал его обсуждение в 1931-м. Сидят за столом. Горький все больше молчит, курит да жжет спички над пепельницей... Кстати, ему не очень понравилось, показалось, что слишком "местнический" роман... Сталин спросил: "Почему вы так

смягченно описываете генерала Корнилова? Надо его образ ужесточить". Шолохов ответил, что поступки Корнилова вывел без смягчения, но некоторые манеры и рассуждения изобразил в соответствии с пониманием облика этого воспитанного на офицерском кодексе чести и храброго на германской войне человека, ...который субъективно любил Россию. Сталин воскликнул: "Как это - честен?! Он же против народа пошел! Лес виселиц и моря крови!" Эта обнаженная правда, как признал писатель, убедила его, и он внес коррективы в рукопись. Разумеется, были и другие купюры. Например, вождя интересовало происхождение фактов о "перегибах" Донбюро РКП (б) и Реввоенсовета Южфронта относительно казаков-средняков. Тут Шолохову пригодилось оснащение архивными документами.

- Интересно! Сталин смотрит, нет ли ущерба советской идее. А Бунин в дневнике 41-го года пишет: "Кончил вчера вторую книгу "Тихого Дона". Все-таки он хам, плебей. И опять я испытал возврат ненависти к большевизму". Почему? Не потому ли, что сквозь все муки и страдания героев, тернии их земного пути прорывается пафос нового мироустройства, так и не принятого до конца жизни автором "Антоновских яблок"?

- Чем гениальный писатель отличается от просто хорошего? Тем, что, как радар, улавливает еще не всеми понятую сокровенную правду жизни, порой даже вопреки своему желанию, и затем транслирует ее миру. А хороший, пусть он профессионал, может взять "идейку" и раскрыть ее. Но высшая, сокровенная правда ему недоступна. Эта сокровенность и составляет непреодолимое обаяние литературы с большой буквы.

- Точно подмечено. Недавно один актер хвалил сериал "Гибель империи" за то, что там "очень много правды". То есть частных правд там хватает, но, может быть, отсутствует одна - самая важная, самая главная. Или же имеется чуть-чуть обмана. И все обращается в Ложь. Таких фильмов сегодня легион... Давайте некоторые точки поставим. Что же было в "Тихом Доне" такого, что его перевели на десятки языков мира? Сама тема - обращение к революции как великой идее построения справедливой жизни? Ее высокохудожественное исполнение, итогом которого стало рождение русского эпоса, русской "Илиады" переломного момента русской истории? Неравнодушное сердце художника, ищущего ответы на главные вопросы синхронно с его персонажами?

- Загадка сия велика есть. Верил ли он в революцию? Без сомнения, да. Поддерживал провозглашенную ею идею разрушения "мира насилия". Добровольно вступил в партию. Вот вам ответ. Но он не был начетчиком и догматиком. Анализировал, понимал, все видел. Один его герой замечает: "Подешевел человек в революцию". Другой говорит: "Потеснили вы казаков, надурили, а то бы вашей власти износа не было. Дурастного народу у вас много..." Выполнил свое назначение - говорил людям правду, подчас суровую и всегда мужественную. Эта беспощадность честности смутила Андрея Платонова, который по прочтении первых глав "Тихого Дона" обронил: "Жесток ты, Миша, жесток".

По стойке "смирно" никогда не стоял

На II съезде советских писателей Шолохов озвучил свою творческую позицию: писать по указке сердца, которое принадлежит партии и народу. Но он не воспринимал членство в партии механистически. "Союз писателей, - заявил он на XX съезде КПСС, - не воинская часть и уж никак не штрафной батальон, и стоять по стойке "смирно" никто из писателей не будет". Литературный труд воспринимал как тяжелый и радостный. В писателе видел воспитателя нравов: "Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, чище душой, пробуждали любовь к человеку..." Вряд ли так уж сильно страдал от отсутствия

пресловутой свободы слова. Знал, что в чистом виде нигде ее нет, ибо если в СССР от литератора требовалась "идейность" (признавался, что от политической трескотни с использованием благонадежной лексики его тошнило), то на Западе - "хочешь не хочешь - угождай массовому читателю, больше того, - угодничай перед ним".

Идейный вектор Шолохова очевиден. Он поддержал Октябрь, хотя никогда не ставил знака равенства между великой идеей и ее реализаторами. На Сталина не смотрел снизу вверх. Не видел в нем бога, но и не стал попирать ногами после 1956 года. В романе "Они сражались за Родину" обозначил свою точку зрения: "Предвзятость - плохой советчик. Во всяком случае, мне кажется, что он (Сталин) надолго останется неразгаданным не только для меня..." Генералиссимус здесь ввергнут в страстные споры о последствиях его правления страной "с закрытыми глазами", в частности об ответственности за уничтожение командных кадров перед войной и нанесение партии "тяжелого урона". Шолохов был против замалчивания этой фигуры и выступал за ее всестороннее освещение: "Нельзя оглуплять и принижать Сталина... Во-первых, нечестно, во-вторых, вредно для страны, для советских людей. И не потому, что победителей не судят, а прежде всего потому, что "ниспровержение" не отвечает истине". Высоко оценивал его роль в разгроме фашистов. Он предвидел, по свидетельству сына, что развенчивание культа Сталина неизбежно перерастет в "разоблачение" всей эпохи.

- Что говорил о войне?

- Преклонялся перед величием подвига и жалел народ, жалел Россию. Сколько бы другой произвел барабанного боя в "Слове о Родине", опубликованном им в 1948 году! Кстати, публицистика - не его жанр. Он писал медленно, любил подумать, поразмышлять. В очерке он скорбит о многих-многих жертвах, принесенных страной на алтарь Победы. Вот эту боль он всегда чувствовал. Его патриотизм - не громокипящее извержение дежурного оптимизма. Приступая к роману "Они сражались за Родину", он сформулировал свое понимание долга, долга русского писателя: "...идти по горячим следам своего народа в его гигантской борьбе против иноземного владычества и создать произведение искусства такого же исторического значения, как и сама борьба". Вот его отношение к той войне и к нашей Победе, если кому интересно. Да и всем своим творчеством он хотел, по его выражению, отдать поклон народу-труженику, народу-строителю, народу-герою, который ни на кого не нападал, но всегда умел с достоинством отстоять созданное им, отстоять свою свободу и честь, свое право строить себе будущее по собственному выбору. К сожалению, сейчас это звучит неоднозначно.

Что Шолохову не прощают

- Нельзя умолчать о том, что в перестроечные годы имя Шолохова трепалось по самым разным поводам: то по выяснению авторства "Тихого Дона", то задним числом, в могилу посылали упрек за осуждение им диссидентов... Но это же его право - иметь свое мнение. Вряд ли его ЦК партии заставил, если он не склонялся перед Сталиным?! Ведь, кажется, ни в одном своем произведении даже не упомянул Иосифа Виссарионовича?

- Нигде! В "Тихом Доне" нет. У графа Ал. Толстого, Булгакова, Мандельштама, Ахматовой, Пастернака есть, а Шолохов обошелся. Даже в описании Вешенского восстания, которое соседствует и по месту, и по времени с пребыванием Сталина как посланца ЦК при обороне Царицына, ибо Дон входил в состав Южного фронта. Не персонифицируется хозяин Кремля ни в одной из сцен "Поднятой целины". Зато несогласие с его точкой зрения на коллективизацию обозначено в главе, где местный партизнец, считающий, что надо щадить мужика, схватывается с эмиссаром вождя,

выступающим за беспощадное раскулачивание. Нападки на Шолохова не случайны. Борьба идей продолжается. И он это понимал. "Когда там, по вашим учебникам, Гражданская закончилась? В двадцатом? - спрашивал младшего сына Михаила. - Нет, милый, она и сейчас еще идет. Средства только иные. И не думаю, что скоро кончится".

- Нравственная энергетика Шолохова и сегодня кому-то очень сильно мешает. С какой ретивостью Солженицын обвинял его в плагиате! Он, призывающий жить не по лжи, покаялся, когда нашли и идентифицировали рукопись "Тихого Дона"?

- Нет. Вот Евтушенко, много чего бездоказательно наговоривший, в прошлом году сам попросил через "Литгазету" не считать его ненавистником Шолохова. Но изящно оставил за собой "право не уважать" последнего за отношение к Даниэлю и Синявскому! Их Шолохов в самом деле резко осудил и заявил: "Мне стыдно не за тех, кто оболгал Родину и облил грязью все самое святое для нас. Они аморальны. Мне стыдно за тех, кто пытается взять их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась".

- Слова "Россия-сука" явно резали ему не только слух, но и сердце...

- Вне сомнения. Он чувствовал особую силу слова. У него был прямой характер, не галантерейный, это точно. Он задел чувства Эренбурга в период кампании против так называемых космополитов. Критиковал Симонова за гладкопись романа "Товарищи по оружию" и уязвил его замечанием о "дипломатическом маневрировании". Перед кончиной Шолохов коснулся в разговоре с сыном темы "инакомыслящих": "Людям, берущимся быть судьями, учителями и вождями народа, ох как не мешало бы подумать, что поведут-то они с собой народ не безлюдной пустыней, а дорогой, которая у жизни одна... Пусть жизнь идет своим чередом. И все новое должно "встроиться" в ее ход. Борьба борьбой, но она не должна ломать общее направление жизни. Не против, не лоб в лоб". Известный адвокат, добровольный защитник группы диссидентов Д. Каминская признавалась мужу: "Они, конечно, очень достойные и мужественные люди, но... вдруг случится так, что они окажутся у власти, - мне этого не захотелось". Инакомыслящие, по ее наблюдениям, проявляли парадоксальную нетерпимость к мнениям и убеждениям других. Вот так и к Шолохову некоторые относятся. Хотя он уже давно вне юрисдикции их суда.

Ему ставят в вину и письмо Брежневу 1978 года, где он выразил обеспокоенность протаскиванием через кино, телевидение и печать антирусских идей, порочащих отечественную историю и культуру, и особой ролью в этом мирового сионизма. Ответа, кстати, не последовало. Его волновали исподволь развивавшиеся язвы блата, кумовства, коррупции. Уже началось движение к сегодняшнему дню...

Совпавший с эпохой

- Общество сегодня раскололось в оценке роли Сталина. Вас не удивляет, почему Шолохов, который видел, как "с потом и кровью" (первичное название "Поднятой целины") строилась новая жизнь, не воспринял точку зрения Хрущева в оценке вождя? Почему, как вы думаете?

- Он не был бесстрастным фотографом истории, до всего докапывался сам и не искал готовых ответов. Однажды Михаил спросил отца об истоках культа Сталина. Вот вкратце его ответ: "А что же еще у нас могло после революции получиться? "Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов" - вот и все. Но это, милый мой, на плакатах хорошо... А ты с этим в хутор приди, к живым людям. Рабочие там, понятно, не водились... Крестьяне - пожалуйста, сколько хочешь... Кто же будет от них депутатом? Да

уж, конечно, не дед Щукарь. И не Макар с Разметновым, которые и семьи-то собственной сложить не могут, в собственных куренях порядка не наведут. А Яковов лукичей да титков - нельзя... Вот и оказались самыми подходящими - "солдатские". Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тому и властвовать. А они что же... Агитаторы и рубаки, как правило, неплохие. ...Знаний-то фактически никаких. Только и оставили после войны одно умение - получать приказы да отдавать. ...Тут уж хочешь не хочешь, а должен где-то на самом верху появиться вождь. Именно вождь. Верховный Главнокомандующий, способный взять на себя смелость принимать окончательные, верховные решения... Для всех. Сверху донизу и от Москвы до самых до окраин..." Едва ли не первым Шолохов обратил внимание не на особенности личного характера Сталина, а историческую обусловленность его явления.

- А как сам вождь к нему относился?

- У Сталина да и всех последующих руководителей к нему сложное, неоднозначное отношение было. Слишком чувствовалась его внутренняя независимость. Да, Сталин разрешает печатать остановленный цензорами "Тихий Дон" и называет автора "знаменитым писателем". Однако же обнаруживает письмо: "Тов. Шолохов допустил в своем "Тихом Доне" ряд грубейших ошибок..." Да, спасает от ареста, но санкционирует жесткий надзор, включая прослушку. Да, вопреки мнению Комитета по Сталинским премиям, делает писателя лауреатом, но одобряет в школьном учебнике формулировку о "слабых образах коммунистов". На похвалы Шолохову югославского политического деятеля Милована Джиласа возражает: "Сейчас есть и лучшие", хотя до самой кончины лицезреет на своей даче рядом с образом М. Горького его портрет. Ну насчет цензурирования я не говорю. Без ведома Шолохова в "Тихий Дон" была вписана целая сцена встречи Сталина с ходоками из народа. Анонимную главу он выбросил. Только за две недели до ухода Шолохова из жизни, это произошло в 1984 году, я (тогда директор издательства "Художественная литература") по его указанию внес в текст фамилию Троцкого. Раньше не рекомендовалось. Таковы были правила игры, и он это понимал. Кстати, куда с более безбожными купюрами выпускались его книги за рубежом. Порой выбрасывались целые главы.

- Каким он был в общении?

- Прост, не терпел ложного пафоса. Вот рассказывал однажды, как раздался междугородний звонок - Москва: "Сейчас с вами будет говорить Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев". "После такого вступления, - говорит Михаил Александрович, - стало во мне что-то закипать... Слышу в трубке: "Михаил Александрович! Здравствуйте! Я решил заехать к вам в Вешенскую. Побывать у вас в гостях. Вы не будете возражать?" ...Я и говорю очень вежливо: "Дорогой Леонид Ильич, как же вы к нам приедете, если у нас в этом году с урожаем на Дону не вышло. Нет у нас урожая". Слышу - молчит. Потом попрощался, - после паузы Шолохов с хитровой улыбкой добавляет: "Так ведь и не приехал". А чего стоит телеграмма Хрущеву, вдруг решившему ускорить выплату писателем долга за строительство вешенского дома: "Должен, не скрою. Отдам не скоро"!

Умел внимательно слушать. Не терпел скабрзных анекдотов. По молодости любил охотиться. А потом я услышал от него: "С годами все меняется. У нас в районе этой зимой последнюю волчицу убили... Всякий зверь красивый..." С женой, Марией Петровной, прожили 60 лет, вырастили четверых детей. Она поведала, что за два дня до ухода ему приснилось во сне, как для обоих подседлали одну лошадь... зеленую. В канун смерти

"позвал, взял мои руки и все их к себе, к себе притягивает. Уж сил совсем не было. Я сразу и не догадалась, что тянулся поцеловать..."

...Он был вровень с масштабом эпохи - героической, трагической, высокой. Талант и время совпали. Мы должны не только гордиться, что земля русская породила такого гиганта слова, но и защищать его память от очернителей всяческого толка.